

М.В. Гукасова

Внутренняя форма фразеологических единиц как ассоциативно-образное основание коннотации

Фразеологические единицы являются знаками ситуативно-образной вторичной номинации, в основе формирования которых лежит, как правило, образ ситуации, аспектуально осмысленный в некотором контексте (историческом, культурном, эмпирическом и т. д.). Основное предназначение ФЕ – нести информацию прагматического характера: выражать оценочно-эмотивное отношение адресата речи к обозначаемой действительности. Собственно оценочный компонент значения ФЕ – это отношение к ценности обозначаемого, исходящее из некоторых норм, характерных для ценностной картины мира данного языкового коллектива. Эмоцию же вызывает образный стимул, зафиксированный во внутренней форме ФЕ.

В языковом отображении взаимодействие ассоциативно-образной и эмоционально-оценочной информации создает еще одну зону прагматического значения – эмотивное отношение говорящего к обозначаемому (образному стимулу), находящее выражение в таких смыслах, как одобрение/неодобрение, презрение, пренебрежение и т.п. (В.Н. Телия, А.Ф. Артемова, Т.А. Графова). Характер образа, его происхождение тесно связаны с мировидением данной лингвокультурной общности.

Особенность фразеологических единиц заключается в том, что они представляют собой микротексты, в семантике которых закодирована информация об отношении говорящего к обозначаемому. Следовательно, фразеологизмы – это знаки, обладающие «размытым» объективным содержанием и представляющие собой заготовки не только собственно

номинативной, но и прагматической деятельности, что обеспечивает специфику их функционирования в языке.

Обращаясь к понятию внутренней формы как к «образному основанию фразеологизма», в ней усматривали источник экспрессивно-стилистической окраски значения [1] [2], которая самым непосредственным образом связана с прагматическим эффектом. Внутренняя форма является одним из макрокомпонентов (а именно мотивационным) семантической структуры фразеологизмов. Помимо своего основного предназначения – быть способом организации семантического содержания этих номинативных единиц, внутренняя форма также реализует способность воздействовать на эмотивность фразеологизмов, порождать образность. В концепции В. фон Гумбольдта понятие внутренней формы рассматривается как ассоциативно-образный мотив, организующий (оформляющий) содержание в языке [3:1]. Вслед за ним А.А. Потебня усматривал в этой сущности, прежде всего, психологическую данность – представление, вызывающее соответствующий образ на базе языковой ее мотивированности и определял внутреннюю форму как динамическое явление, т.е. то, что лежит в основе сходства нового и старого понятия и что позволяет одновременно воспринимать и то и другое по закону ассоциации. «Внутренняя форма – это отношение содержания мысли к сознанию, она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [4: 82-83]. Следовательно, любой образ (или представление), так или иначе ассоциируемый в сознании говорящих с предшествующим значением слова или выражения, определяется как внутренняя форма.

При рассмотрении внутренней формы следует подчеркнуть важную роль ассоциативных механизмов мышления. В психологии ассоциации рассматривают как явления, неотрывные от процессов мышления и принимающие в них непосредственное участие.

«Предметы и явления действительности запечатлеваются и воспроизводятся в связи друг с другом, «группами» или «рядами» (по выражению И.М. Сеченова). Это обуславливается реальными связями предметов и явлений, в частности их связями в пространстве и во времени, отношениями сходства и различия между ними и т.д. Под влиянием этих объективных связей возникают временные связи в коре головного мозга, служащие физиологической основой запоминания и воспроизведения и представляющие собой, как указывал И.П. Павлов, то, что в психологии давно рассматривалось как ассоциации» [5: 205].

По мнению советского психолога С.Л. Рубинштейна, именно ассоциациям отведена ведущая роль в процессах познания, которые вступают в новые отношения благодаря синтезу в этих комбинациях и порожд-

дают новое знание о мире: «Объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства» [6: 98 – 99].

Следует отметить, что ассоциации сопутствуют процессу мышления и выступают непосредственным атрибутом речемыслительной деятельности.

Ассоциации непосредственным образом участвуют в создании новых понятий, поскольку они выступают в роли связующего звена между уже ранее познанными свойствами действительного и теми свойствами, которые всплывают в сознании в новом ракурсе их отображения.

Именно благодаря ассоциациям старое знание служит основанием для нового понятия посредством образа, который ассоциативно воплощается в сознании.

Таким образом, внутренняя форма, в которой заложены ассоциативные механизмы мышления, является мотивирующим признаком вторичных наименований, образованных путем переосмысления значений и функционирующих в обиходном стандарте. Сфера языковой номинации, в которой внутренняя форма предстает как ассоциативно-образное средство, используемое для целей коммуникации – это сфера, в которой протекает формирование экспрессивно-окрашенных значений, поскольку именно в ней совмещаются два гетерогенных типа информации: сведения о мире и об эмотивно-оценочном отношении субъекта речи к миру. Обращение же языкового сознания к вторичной номинации, в которой возможно ассоциативно-образное предъявление мотива переосмысления, создает почву для оценочной модальности, которая и выражает эмотивное отношение к обозначаемому. В качестве примера рассмотрим фразеологизм **be in a stew** (букв.: «находиться в блюде из тушеного мяса»), в переводе обозначающий «быть как на иголках». Когда мы утверждаем, что кто-то «как на иголках», то мы сообщаем, что он испытывает сильное волнение/тревогу и это «плохо относительно некоторого стереотипного представления о том, что «нормально» находиться в состоянии равновесия. Кроме того, «плохо», если бы кто-то был «как на иглах», т.е. потерял спокойствие. В последнем случае в фокус оценки попадает уже не самоощущение сильного беспокойства, что объективно «плохо», а сам факт сравнения, основанный на ассоциативно-образном представлении, лежащем в основе формирования вторичного наименования, что и послужило поводом для выражения отрицательного

эмотивно-оценочного отношения.

В соответствии с этим роль внутренней формы согласуется с представлением о том, что в основу экспрессивной окраски фразеологизмов лег образ той реалии, признаки которой послужили поводом для создания нового значения.

Как уже отмечалось выше, именно внутренняя форма провоцирует возникновение эмоциональной реакции на обозначаемое, преобразуемое впоследствии в эмотивно-оценочное отношение и создающее прагматический эффект, выражающий одобрение или неодобрение относительно того или иного значения фразеологизма. Таким образом, вначале возникает ассоциативно-образное представление, которое впоследствии получает оценочную интерпретацию, и в итоге – эмотивное восприятие, следствием которого и является субъективная модальность. Связь между ассоциативно-образным представлением и эмотивностью указывает на то, что внутренняя форма является поводом для эмотивно-оценочного отношения.

Обратимся к категории эмотивности, к рассмотрению ее содержания. Установим, каково же соотношение понятий «эмотивность» и «эмоциональность». В.И. Шаховский в своих работах указывал на то, что «эмотивность – лингвистический аспект теории эмоциональности. Под эмотивностью нами понимается лингвистическое выражение эмоций, а под эмотивным компонентом значения – та семантическая доля, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию. Необходимо заметить, однако, что для нас «эмотивный компонент значений» – не доля, а скорее модус, имеющий соответствующую структуру» [7:6-9]

Эмотивность – это состояние, спровоцированное эмоциями, затем активно переработанное в сознании с помощью языковых сигналов и осознанно вызывающее соответствующую реакцию на объект отображения. Как подчеркивал С.Л. Рубинштейн, «осознать свое чувство – не просто испытать связанное с ним волнение, неизвестно чем вызванное и что означающее, а соотнести его надлежащим образом с тем предметом или лицом, на которое они направляются» [8:11].

Важно отметить, что эмотивность сама подготавливается образным стимулом, который лег в основу эмоциональной реакции, и одновременно послужил поводом для социальных реакций.

Итак, возникновение эмотивности связано с особенностями внутренней формы фразеологизмов.

Своеобразной модификацией теории эмотивности является коннотативная концепция лексической эмотивности, интерпретируемая как

коннотативная модальность, которая надстраивается над объективно-оценочным значением фразеологизма и выражает субъективную оценку. Таким образом, эмотивность, во-первых, связывается с модусом оценки, во-вторых, ей приписывается перлокутивный эффект, т.е. способность вызывать эмоциональный резонанс у адресата речи. Любое экспрессивное средство содержит явную или неявную оценку. Как отмечает Е.М. Вольф, «оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо /плохо» [9: 9]. Сопряжение эмоций и оценки не утрачивает актуальности.

Библиографический список

1. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. На материале некоторых русских глаголов. М.: Наука, 1975. С. 240.
2. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. На материале английского языка. М.: Наука, 1980. С. 160.
3. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 1.
4. Потёбня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913. С. 82-83.
5. Соколов А.Н. Память // Психология; под ред. А.А. Смирнова и др. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1962. С. 205.
6. Рубинштейн, С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 98-99.
7. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983. С. 6-9.